
НАВЯЗАННЫЙ КОНСЕНСУС ЧТО ГОВОРЯТ ОПРОСЫ О ПОДДЕРЖКЕ ВОЙНЫ И МОЖНО ЛИ ИМ ВЕРИТЬ

МИХАИЛ КОМИН, КИРИЛЛ РОГОВ

Опросы общественного мнения об отношении россиян к нападению на Украину вызвали дискуссии экспертов и жаркие споры общественности и политиков. Одни видят в них доказательство повсеместно царящего в России имперско-милитаристского духа, другие, наоборот, объявляют нерелевантными любые результаты массовых опросов в условиях военного времени. Так можно ли пользоваться данными опросов и о чем они на самом деле нам говорят?

В этом обзоре мы рассматриваем основные аргументы дискуссии вокруг опросов и всю сумму доступных на нынешний момент данных об отношении россиян к войне.

Результаты опросов общественного мнения в условиях авторитарного режима и военных действий, резко повысивших издержки «инакомыслия» и репрессивность режима, нельзя воспринимать так же, как нормальные опросы в условиях политического плюрализма, и следует интерпретировать крайне осторожно. В то же время на настоящий момент неверно считать полученные опросными центрами данные нерелевантными.

Предположения об искажении респондентами своих предпочтений в текущих условиях под влиянием как «воображаемого консенсуса» (выбор социально одобряемого ответа), так и «внутреннего цензора» (опасение наказания) подтверждаются проведенными в последние месяцы опросными экспериментами.

Опросные данные также показывают, что лояльные и нелояльные респонденты очень по-разному воспринимают «климат мнений»: опасения в отношении высказывания своего мнения среди нелояльных режиму

респондентов гораздо выше, чем среди лояльных. А значит, не может быть отброшена гипотеза о наличии «фильтра достижимости», то есть о том, что нелояльные режиму респонденты могут чаще уклоняться от общения с поллстерами, в результате чего возникает смещение выборки.

В условиях авторитарного режима и усиливающей его агрессивность войны общественное мнение находится под сильным давлением пропаганды, морального принуждения и угрозы репрессий. Доминирование официально одобряемой точки зрения в опросах следует интерпретировать как «навязанный консенсус», что вовсе не исключает наличия больших групп поддержки официальной точки зрения и официального дискурса.

Как показывает анализ данных, среди согласившихся участвовать в опросах поддержку войны могут выражать от чуть более половины до трех четвертей респондентов в зависимости от формулировок и условий опроса. С учетом «смещения выборки» фактический уровень поддержки войны может быть заметно ниже этих показателей.

Значительные вариации размеров поддерживающей войну группы респондентов указывают на размытость и определенную искусственность лояльности «сверхбольшинства».

В существенной степени перевес сторонников войны в опросах обеспечивают люди более старших возрастов, чья информационная и эмоциональная картина формируется телевизором, и более обеспеченные слои. Более критично к войне настроены молодые, пользователи социальных сетей, москвичи и группы с низкими доходами.

«Рыхлость» милитаристской коалиции подчеркивает и низкая готовность сторонников вторжения переходить от одобрения на словах к практической поддержке вторжения (добровольчество, агитация и финансирование).

Вместе с тем сам по себе эффект «навязанного консенсуса» является важной характеристикой состояния общественного мнения. Он отражает низкую резистентность общественных групп, не являющихся убежденными сторонниками войны, но вынужденно соглашающихся с ней и не имеющих опоры или не желающих опереться на альтернативные дискурсы и оценки. В то же время «навязанный консенсус» может оказаться подвержен резким колебаниям в случае серьезных изменений информационного фона или экономических условий.

1.

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ: ВСЕ ДАННЫЕ НА ОДНОМ ГРАФИКЕ

Не удивительно, что отношение россиян к вторжению в Украину оказалось предметом дискуссий экспертов, политиков и СМИ, как только стали доступны первые результаты опросов. Любая война, являющаяся для общества значительной издержкой, разворачивается на трех фронтах — на поле боя, в экономике и в общественном мнении. «Маленькая

победоносная война» — хороший способ мобилизации внутренней поддержки режима, но в то же время причиной его дестабилизации и крушения достаточно часто становятся именно военные неудачи и экономические издержки войны.

В этом обзоре Re: Russia предпринята попытка ответить на вопрос: «Что на самом деле россияне думают о войне с Украиной и что мы знаем об этом?», обобщив как накопленные с начала войны данные опросов общественного мнения, так и результаты развернувшейся полемики об их релевантности и границах интерпретации.

Опросы об отношении к войне и поддержке объявленной Владимиром Путиным «спецоперации» в течение этого времени публиковали три главных российских социологических центра и еще три проектные группы:

- официальный [ВЦИОМ](#), непосредственно связанный с Администрацией Президента: девять волн опросов с конца февраля по конец мая (телефонный опрос по стратифицированной случайной выборке);
- [ФОМ](#): ФОМ: четыре волны с конца февраля по конец марта (поквартирный опрос, face-to-face);
- независимый [«Левада-центр»](#): три волны с марта по май (надомный опрос, face-to-face);
- исследовательская группа [Russian Field](#) (RF): семь волн с конца февраля по конец мая (телефонный опрос) и две волны [специального опроса в Москве](#) в марте и апреле (уличный опрос, face-to-face);
- проект [«Хроники»](#) Алексея Миняйло, сотрудничающей с группой независимых социологов [ExtremeScan](#), которой руководит Трилена Конева: пять волн с начала марта по середину мая (телефонный опрос по случайной выборке);
- группа независимых социологов и IT-специалистов [«Опыты»](#) из Самары под руководством Владимира Звоновского: три волны с конца февраля по середину марта (методика не раскрыта).

Опросы проводились по всероссийской репрезентативной выборке, как правило, с контролем на пол, возраст респондентов и тип населенного пункта. Формулировки вопросов различаются (полные формулировки у каждого центра приведены в приложении 1), но наиболее значимым является различие между прямым вопросом (например: «Поддерживаете ли вы решение о проведении специальной операции в Украине?») и косвенным (например: «Каких отзывов о спецоперации вы слышали больше в последнее время: в поддержку или против?»). Стоит отметить, что ряд опросных команд пристально наблюдали за динамикой поддержки в марте (замеры раз в одну-две недели), но затем перестали либо проводить, либо публиковать результаты. Наиболее полный временной ряд у прогосударственного ВЦИОМа и исследовательской группы Russian Field. Однако Russian Field в трех первых волнах опроса задавала прямой вопрос о поддержке спецоперации, а в следующих — косвенный и только в последней, седьмой, волне задала оба.

Результаты всех этих публично доступных опросов мы для наглядности свели в одном графике (рис. 1). Ниже мы сначала рассмотрим вопрос о

том, насколько релевантны отраженные на нем данные, а затем — что они на самом деле нам могут сказать.

Рисунок 1. Динамика поддержки «специальной операции» в Украине, в процентах от числа опрошенных

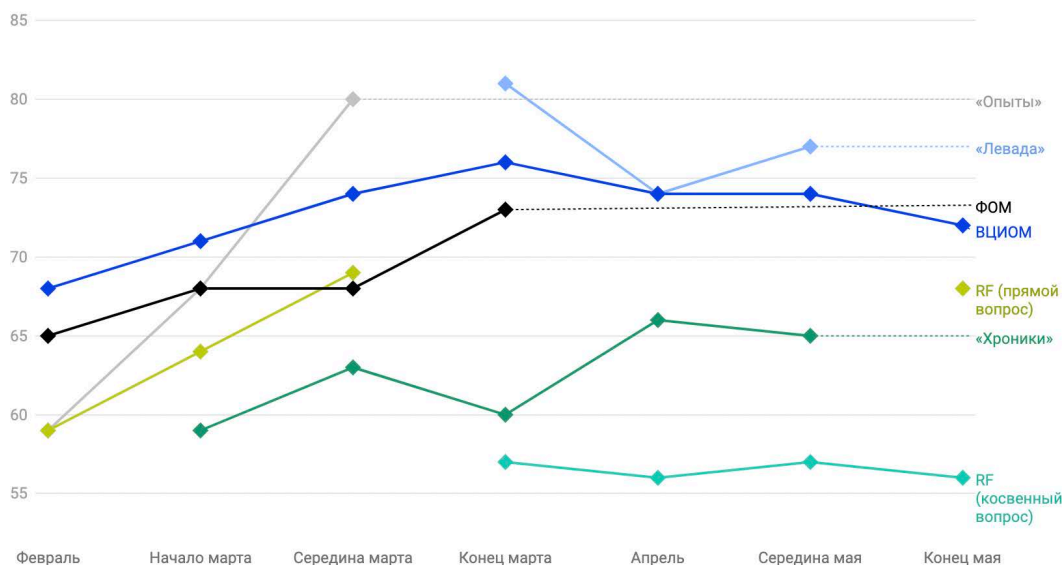

График: Re: Russia. Формулировки вопросов см. в Приложении 1

2. МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ ОПРОСАМ? «ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ»

То, что публикации первых же результатов опросов стали предметом острой полемики, неудивительно. Удивительно другое — политолог университета Хельсинки Маргарита Завадская [отмечает уникальность самой этой ситуации](#): авторитарный режим ведет масштабные боевые действия на территории соседнего государства, и при этом внутри страны собирается и публикуется достаточно много социологических данных об отношении населения к происходящему. Но как относиться к самим этим данным? Принятый почти немедленно после начала «специальной операции» так называемый [закон о фейках](#) прямо объявляет определенные «мнения», высказанные публично, уголовным преступлением.

В условиях политического плюрализма замеры общественного мнения отражают реакцию населения на те или иные интерпретации событий, исходящие от политиков и значимых общественных фигур, а релевантность их результатов проверяется результатами выборов. В тоталитарных и жестких репрессивных режимах, напротив, люди приучены публично высказывать лишь разрешенную точку зрения, и замерять общественное мнение по политически значимым темам здесь — все равно что ставить градусник покойнику. Где сейчас на этой шкале находится Россия с ее уникальной многочисленностью опросов и уже достаточно репрессивным режимом?

В социологии известны несколько механизмов, проявляющих себя в результатах опросов искажений. Прежде всего, это склонность респондентов давать «социально одобряемые» ответы, то есть такие, которые, по их мнению, являются «правильными» с точки зрения большинства. Этот эффект не обязательно связан с авторитаризмом — людям свойственно стараться выглядеть «лучше» и скрывать некоторые свои реакции и предпочтения. Специфическая разновидность этого искажения, связанная с давлением нелиберальной (авторитарной или тоталитарной) среды, получила название «фальсификации предпочтений» в [работах социолога Тимура Курана](#). Здесь предпочтения респондентов оказываются смещены под давлением предполагаемых ими издержек нелояльности.

Чтобы учесть и нивелировать эти смещения, социологи используют косвенные (проективные) вопросы, в которых социальная острота проблемы максимально сглажена и спрятана, и опросные списочные эксперименты, когда респонденту предлагается не ответить на чувствительный вопрос, а лишь указать, с каким количеством разных утверждений он согласен. Выяснив затем позицию респондентов по прочим вопросам, можно понять, какая доля их «скрытно» ответила на социально чувствительный вопрос тем или иным образом. Оба метода были опробованы в последние три месяца для выяснения отношения российских респондентов к войне.

Исследовательская группа RF в рамках [третьей волны](#) опросов в середине марта задавала прямой и косвенный вопросы о поддержке спецоперации. Отвечая на прямой вопрос, о поддержке заявили 69% респондентов, когда же у респондентов спрашивали, хотели бы они вернуться в прошлое и отменить решение о начале спецоперации, доля не жалеющих о ее начале составила 56%. В следующих волнах опросов (в апреле и мае) эта доля оказалась крайне стабильной (55–57%). Такой результат указывает, что около 55% респондентов так или иначе разделяют риторику «целей войны» (считают ее необходимой), а 12–15%, выбирая социально приемлемый (безопасный) ответ на прямой вопрос, в этой риторике, на самом деле, сомневаются и испытывают в ее отношении определенный дискомфорт, хотя и не готовы прямо заявить об этом. [Результаты «списочного» опросного эксперимента](#) дали очень похожую картину: на прямой вопрос о поддержке войны утвердительно ответили 68% опрошенных, в то время как показатель «скрытых» положительных ответов составил 53%. То есть примерно такая же доля (около 15%) опрошенных не решалась высказать своего сомнения или неодобрения в отношении войны прямо.

В целом проблема фальсификации предпочтений в российских опросах стала предметом внимания социологов в 2010-х годах в связи с попытками понять и объяснить сверхвысокую популярность Владимира Путина, которую они неизменно демонстрировали. В 2015 году, в условиях посткрымского «ралли под флагом», [исследователи с помощью «списочного эксперимента» попытались выяснить](#), является ли эта поддержка «искренней». Получилось, что уровень одобрения Путина в прямом вопросе (85%) не существенно отличается от того, который

наблюдался в «скрытых» ответах (80%). Однако [повторение эксперимента в 2020–2021 годах](#) дало существенно иную картину. При том что в прямом вопросе поддержка Путина снизилась до 63–65%, «скрытые» ответы показывали, что уровень одобрения находится, вероятно, даже ниже уровня 50% (45–47%).

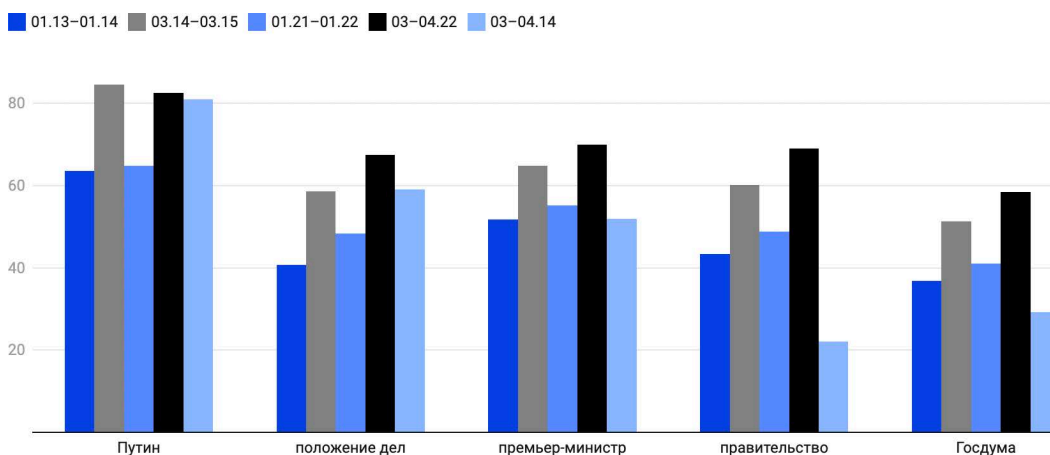
Итак, опираясь на эти данные, можно сказать, что феномен «фальсификации предпочтений», весьма вероятно, имеет место в российских массовых опросах и смещает их результаты; к такому поведению могут быть склонны около 15% участников опросов. При этом люди совсем необязательно фальсифицируют предпочтения из страха перед наказанием. [Еще одно исследование, опирающееся на списочный эксперимент](#), показывает, что поддержка Путина может зависеть от того, считают ли респонденты, что такую поддержку ему оказывают другие. Иными словами, важнейшим механизмом «инфляции» поддержки может быть [«эффект сверхбольшинства»](#) — представление респондентов о повсеместно разделяемой в обществе точке зрения, принуждающее их к ней присоединиться. Когда представление об устойчивости поддержки Путина «воображаемым большинством» ставится под сомнение, респонденты в большей степени склонны пересматривать и свое собственное отношение к нему.

3.

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ ОПРОСАМ: «РАЛЛИ ПОД ФЛАГОМ» ИЛИ «СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ»?

Обсуждая отношение россиян к войне и релевантность опросов в военной ситуации, следует иметь в виду ту общую атмосферу, которую мы наблюдаем в данных проведенных после начала войны опросов. В обществе и медиа активно обсуждался новый взлет рейтинга Владимира Путина после начала войны, который стал еще одним аргументом для «свидетелей глубинного народа»: россияне активно поддерживают и войну, и своего, начавшего ее, президента. Однако утверждение, что рейтинг Путина вырос в марте–апреле, по сути, не очень верно. Помимо президентского, выросли также рейтинги премьера, правительства, Думы и даже удовлетворенность положением дел в стране. Впрочем, точно такая же картина наблюдалась после аннексии Крыма (рис. 2). В обоих случаях мы видим не рост именно президентского рейтинга, а общий рост уровня лояльности респондентов режиму: удовлетворенность положением дел и одобрение четырех упомянутых властных институтов выросли в среднем на 17 процентных пунктов в 2014 году и на 18 — в 2022-м. Особенно удивляет рост удовлетворенности положением дел на фоне скачков курса доллара, инфляции и потребительского ажиотажа в марте.

Рисунок 2. Уровень одобрения институтов власти и положения дел в стране после аннексии Крыма в 2014 году и вторжения в Украину в 2022 году, в процентах от числа опрошенных

Источник: «Левада-центр»

Впрочем, социологам известен этот [эффект, получивший название «ралли под флагом»](#): перед лицом внешней опасности общественное мнение склонно консолидироваться в поддержке правительства и президента. Более того, в классическом эпизоде такого рода — после терактов 11 сентября — рейтинг Дж. Буша подскочил на 30 пунктов, а уровень удовлетворенности положением дел в стране — на 20 (по данным Gallup). Исследователи придерживаются [разных взглядов относительно самого механизма ралли в условиях демократии](#) (в основе ралли может лежать медиаэффект или прекращение критики правительства со стороны оппозиции), и тем более сложным выглядит вопрос, как и благодаря чему такой эффект может достигаться в условиях автократии, где социальная нормативность обеспечивается с помощью иных институтов, важную роль среди которых играет угроза репрессии.

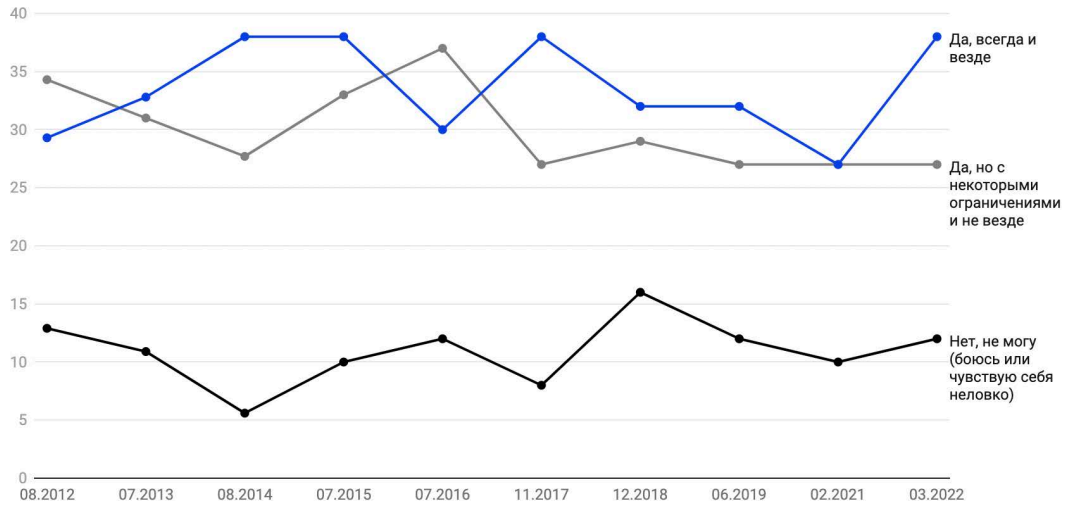
Предположение, что в условиях угрозы репрессии и давления «воображаемого большинства» несогласным с нормативной точкой зрения проще отказаться от участия в опросах, чем участвовать в них, выглядит совершенно рациональным. И принятие драконовского закона о фейках, поддержанное публичной истерией официальных лиц и массовыми арестами протестующих против войны, не могло не произвести впечатление на тех, кто придерживается той же точки зрения, что и арестованные. Поэтому вопрос о «достижимости» этого контингента для поллстеров стоит достаточно остро.

«Достижимость» (response rate — доля тех, кто согласился ответить на вопросы социологов) — острая исследовательская проблема сама по себе, а в условиях авторитарного режима — тем более. Крупные российские поллстеры (ФОМ, ВЦИОМ, «Левада-центр») не предоставляют эти данные, за что неоднократно [критиковались](#) российскими социологами. По впечатлению наблюдающих за опросами их представителей, снижения показателя в последние месяцы не произошло, но это оценки «на глаз», и массива данных, который позволил бы оценить их точность, у нас пока нет.

Исследовательская группа RF [начала систематически публиковать информацию об отказах](#) для своих телефонных опросов (доля успешных интервью в семи волнах опросов варьируется в диапазоне 5,3–9,3%), но эти данные не позволяют пока сделать статистически значимого вывода о динамике отказов. В [третьей волне опросов](#) RF опубликовала разбивку отказов, из которой видно, что большинство «срывов» респондентов происходит на вопросах об отношении к «операции» в Украине. Та же RF и исследовательская группа [«Хроники»](#) опубликовали цитаты из ответов респондентов, отказавшихся от опросов в марте: около трети объяснений тем или иным образом связаны с опасениями отвечать на вопросы о войне. Также RF представила [результаты фокус-групп с самими интервьюерами](#) на опросах по Украине, которые отметили рост недоверия, подозрительности и даже агрессивности респондентов в марте и апреле. На прямой вопрос RF [в четвертой волне опросов](#), опасаются ли они принимать участие в соцопросах по Украине, 21% респондентов (уже согласившихся участвовать) ответили утвердительно, а среди тех, кто определенно недоволен положением дел в стране, таких оказалось 42%.

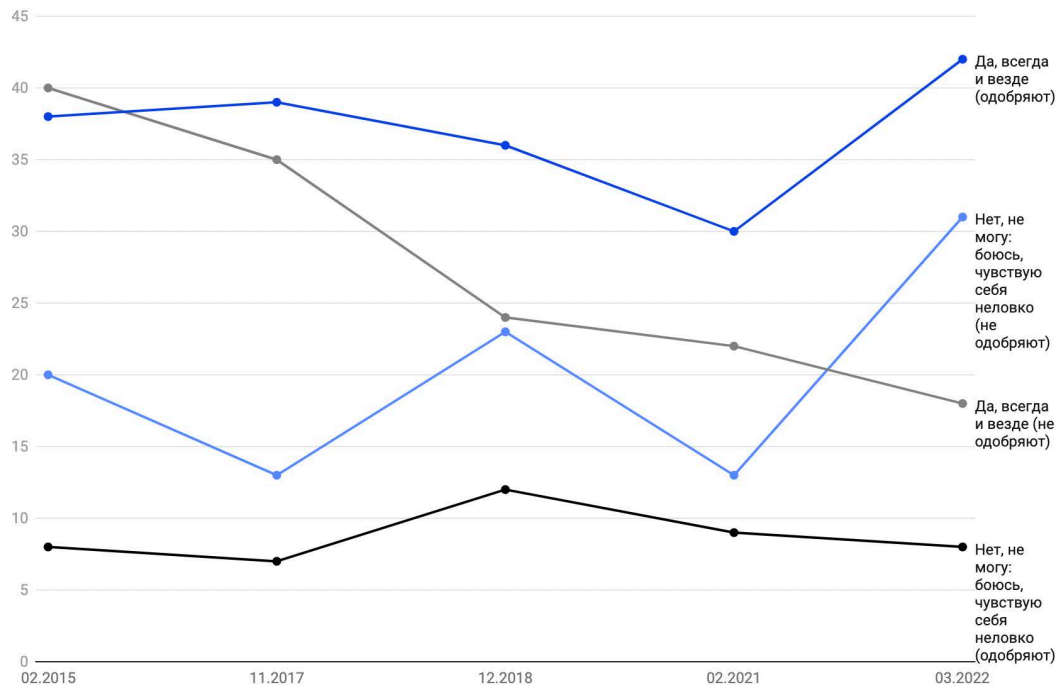
Аналогичную картину дают и данные «Левада-центра». В апрельском опросе 2022 года 56% опрошенных согласились с мнением, что «большинство россиян сейчас боятся высказывать свое мнение в опросах»; причем даже среди поддерживающих Путина большинство (52%) думают так, а среди не поддерживающих их доля достигает 74%. Существуют и более детальные и развернутые данные на этот счет. На протяжении 10 лет почти каждый год «Левада-центр» спрашивали респондентов, могут ли они «свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством страны?» На первый взгляд, ситуация выглядит достаточно стабильной: с 2012 по 2022 год 30–40% не ощущают никаких ограничений в высказывании своего мнения, еще около 30% опрошенных слегка «фильтруют базар» и около 10% заявляют, что чувствуют страх или дискомфорт (рис. 3). Но эта картина радикально меняется, если посмотреть на нее в разрезе политических групп. Как видно на рисунке 4, среди одобряющих Путина доля опасющихся высказывать свое мнение составляла до 2022 года около 8%, а среди не одобряющих — около 17%. Но самое главное в другом: если в 2015 году среди одобряющих и неодобряющих доля тех, кто не чувствовал опасений, была примерно одинаковой (около 40%), то затем среди одобряющих она начала быстро сокращаться. В марте 2022 года среди одобряющих Путина чувствовали себя комфортно в выражении своего мнения 42%, а среди не одобряющих — лишь 18%, и наоборот: страх и дискомфорт среди одобряющих испытывали 9%, а среди не одобряющих более 30%. Если мы считаем, что эти соотношения так или иначе отражают распределения в «генеральной совокупности» (а в этом главный смысл опросов), то мы можем утверждать, что восприятие «климата мнений» одобряющими и не одобряющими очень серьезно различается. И в этом случае разумно ли предполагать, что те и другие одинаково реагировали на предложение поллстеров рассказать, что они думают о текущей ситуации?

Рисунок 3. Можете ли вы свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством страны? В процентах от числа опрошенных

Источник: «Левада-центр»

Рисунок 4. Можете ли вы свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством страны? Одобряющие и не одобряющие Путина, в процентах от числа опрошенных

Источник: «Левада-Центр»

Более того, среди одобряющих доля чувствующих себя свободно в выражении своего мнения даже несколько выросла по сравнению с февралем 2021 года, когда страна смотрела фильм про дворец Путина и люди выходили на митинги в поддержку Навального. «Климат мнений» для поддерживающих по сравнению с тем моментом улучшился — они чувствуют большую поддержку своего мнения со стороны среды. Что это значит?

Давайте представим группу из 100 человек. 30 из них согласились ответить поллстерам: 18 сказали, что поддерживают Путина, а 12 — что не поддерживают. Социологи сообщили, что Путина поддерживают 60% и не поддерживают 40% (18 против 12), и среди не ответивших поллстерам, как мы предполагаем, соотношение — такое же. Теперь климат мнений изменился, среда стала более агрессивной к «несогласным»: в результате 6 человек, ранее решившихся сообщить о своей неподдержке Путина поллстерам, уклонились от интервью, а среди поддерживающих, наоборот, еще 6 человек, ранее молчавших, почувствовали себя достаточно уверенно, испытали патриотический энтузиазм и решили сообщить о своих чувствах поллстерам (именно об этом говорили в опросе RF полевые сборщики анкет: сторонники военной операции в конце марта — апреле проявляли бóльшую мобилизованность и сплоченность, чем в начале марта). В итоге среди ответивших поллстерам соотношение изменилось: теперь 80% (24 человека) поддерживают Путина и лишь 20% (6 человек) не поддерживают, сообщили нам социологи. Но в действительности оно изменилось не за счет роста поддержки, а за счет перераспределения в группах ответивших и не ответивших поллстерам; возросла неподдержка Путина, а издержки его неподдержки (табл. 1).

Таблица 1. «Достижимость» и «спираль молчания» в условиях изменения «климата мнений» (модель)

	До		После	
	Ответившие	Не ответившие	Ответившие	Не ответившие
Всего	30	70	30	70
Поддерживают П.	18	42	24	36
Не поддерживают П.	12	28	6	34
Поддерживают П., %	60	60	80	51
Не поддерживают П., %	40	40	20	49

Так или иначе, но социологические данные убедительно свидетельствуют, что восприятие «климата мнений» среди одобряющих и не одобряющих Путина (и его «операции») существенно различается. И это не позволяет нам отбросить предположение, что одобряющие будут более склонны говорить с поллстерами, чем не одобряющие.

Впрочем, как справедливо отмечает научный руководитель «Левада-центра» Лев Гудков, «общественное мнение — это нормативный феномен». Это значит, что опросы отражают не индивидуальные эмоциональные состояния респондентов, а их готовность присоединиться к тем или иным стереотипам в восприятии происходящего. Иными словами, «молчание» респондентов или фальсификация ими своих предпочтений — это тоже характеристики состояния общественного мнения.

Что же в результате мы видим в опросах и насколько релевантны они для нашего понимания общей картины? Мы видим, что существует значительная группа поддерживающих войну, существует еще одна группа, которая готова присягнуть этой поддержке, хотя испытывает при этом сомнения и дискомфорт, существует еще одна группа, которая скорее войну не поддерживает, но не готова заявить об этом, и существует меньшинство, которое готово заявить о своей не поддержке. И этот спектр отношений и составляет, видимо, социальную и политическую реальность сегодняшней России.

Это означает, что утверждение «большинство россиян поддерживают войну, потому что являются убежденными имперцами-милитаристами» не соответствует действительности. Скорее, мы имеем дело с так называемым навязанным консенсусом. В то же время мы видим, что общественное мнение не в состоянии противопоставить что-то этому милитаристскому консенсусу, россияне не готовы нести издержки противостояния ему, а издержки комплаенса, соглашения с ним (то есть пассивной поддержки) пока считают для себя более приемлемыми. В то же время это означает, что при изменении «баланса издержек» (например, повышения экономических издержек войны) их мнение может быстро измениться. Если изменения в описанном выше механизме оценки издержек начнут происходить, то мы увидим это в результатах опросов — в росте несогласных или росте фальсифицированных предпочтений. Это кривая проекция, которая не дает возможности увидеть «реальные» соотношения, но позволяет (при понимании ее особенностей) увидеть тренд изменений.

Именно поэтому все же имеет смысл проанализировать, что говорит нам обобщение доступных данных о настроениях той части российского общества, которая продолжила отвечать на вопросы социологов после 24 февраля, представленное на рисунке 1.

4.

«РЫХЛАЯ» И «СТАРАЯ»: ПОРТРЕТ ПОДДЕРЖКИ «СПЕЦОПЕРАЦИИ»

Если смотреть на динамику поддержки вторжения в Украину в целом, можно увидеть две тенденции. Во-первых, доля поддерживающих вторжение респондентов росла с конца февраля по конец марта, а в апреле и мае имела скорее тенденцию к сокращению. Опросы крупных социологических центров (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр») в конце февраля показывали 67–70% поддерживающих войну, в конце марта — 76–82%, а в апреле — 72–74%. У небольших проектов, таких как «Хроники» и Russian Field, доля поддерживающих была ниже во всем периоде, но также скорее росла с февраля по апрель (65–68%) и стабилизировалась или немного снижалась в мае (62–64%). Общий разброс сократился до диапазона 62–74%. Как показывают [данные «Левада-центра»](#), в апреле респонденты начинают менее пристально следить за ситуацией в Украине, отстраняться от войны; в мае (ссылка: <https://www.levada.ru/2022/06/02/konflikt-s-ukrainoj-2/>) этот тренд усиливается: внимательно за конфлик-

том следят уже только 56% респондентов, вместо 64% в марте. Кроме того, в [конце мая](#) 40% респондентов опроса RF заявили о накопившейся усталости от новостей о «спецоперации». Это также указывает на то, что волна энтузиазма в отношении операции миновала свой пик.

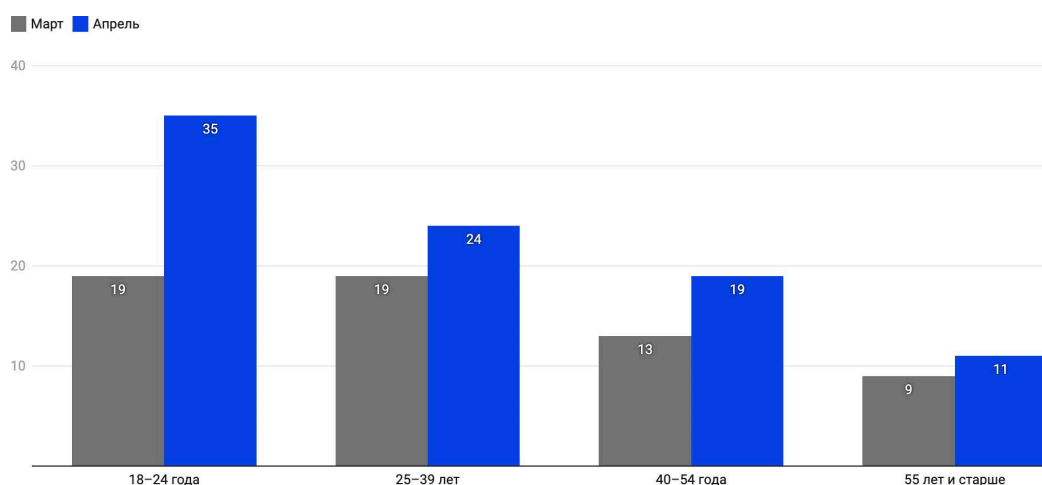
Вторая тенденция состоит в том, что проективный (косвенный) вопрос дает стабильно более низкий результат поддержки войны, чем прямой. В опросах Russian Field доля поддерживающих находится в этом случае на уровне 54–57% при 68–69% при ответе на прямой вопрос. Ту же долю «50+» позитивных мнений о «спецоперации» можно проследить и в ответах на другие вопросы: например, по данным RF, в [апреле](#) и [мае](#) 56% респондентов считали, что спецоперация движется для России успешно, и 50–53% выступали за ее продолжение, по данным [«Хроник»](#) и [RF](#). В то же время доля выступающих за мирные переговоры умеренно растет с [конца марта](#) и достигла почти 40% к [концу мая](#) (в основном за счет снижения процента неопределившихся с ответом).

Таким образом, большинство участвующих в соцопросах россиян действительно поддерживают вторжение в Украину, однако размер этого большинства колеблется в диапазоне от 55 до 75% и сильно зависит от того, в какой формулировке и на фоне каких событий задан вопрос. Вероятно, зона неполной или частичной поддержки внутри этого большинства расширялась и к концу мая могла составлять до трети всех «поддерживающих».

Что можно сказать о социально-демографических характеристиках этого «рыхлого» большинства?

Возраст — это наиболее важный фактор, влияющий на масштаб поддержки. По [данным «Левада-центра»](#), среди более молодых групп доля противников войны существенно выше, чем среди старших, и эта зависимость линейна (рис. 5). В [данных RF](#) доли сторонников и противников военной операции в возрастной когорте 18–29 лет оказались почти равными: 42% против 39%.

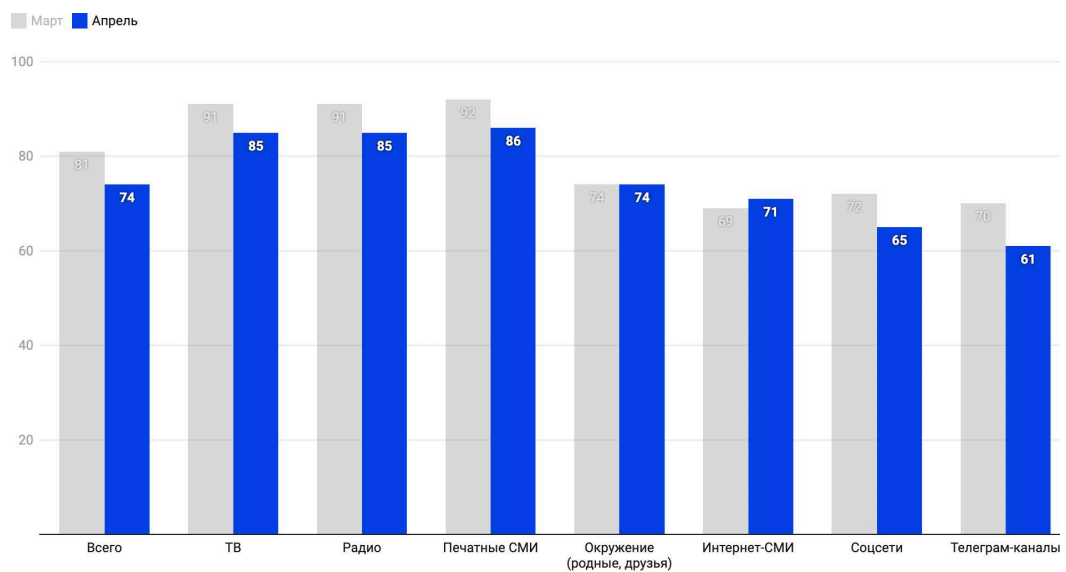
Рисунок 5. Доля противников вторжения в Украину в зависимости от возраста, в процентах от числа опрошенных по группам

Источник: «Левада-центр». График: Re: Russia

Однако, по всей видимости, влияет на отношение к вторжению не сам по себе возраст, а связанный с ним доминирующий тип медиапотребления (предпочитаемый набор источников информации). Более молодые группы больше ориентируются на интернет, где остаются неподконтрольные государству СМИ и присутствует более реалистичная картина войны. Для старших возрастов основным источником остается телевизор, где транслируется пропагандистская картинка. Это подтверждают данные «Левада-центра»: среди тех, кто доверяет традиционным СМИ (телевизор, радио, печать), поддерживают операцию 90% опрошенных, среди ориентирующихся на интернет, соцсети и Telegram — 70%, причем среди доверяющих соцсетям и Telegram в апреле эта доля упала до 60 с небольшим процентов (рис. 6).

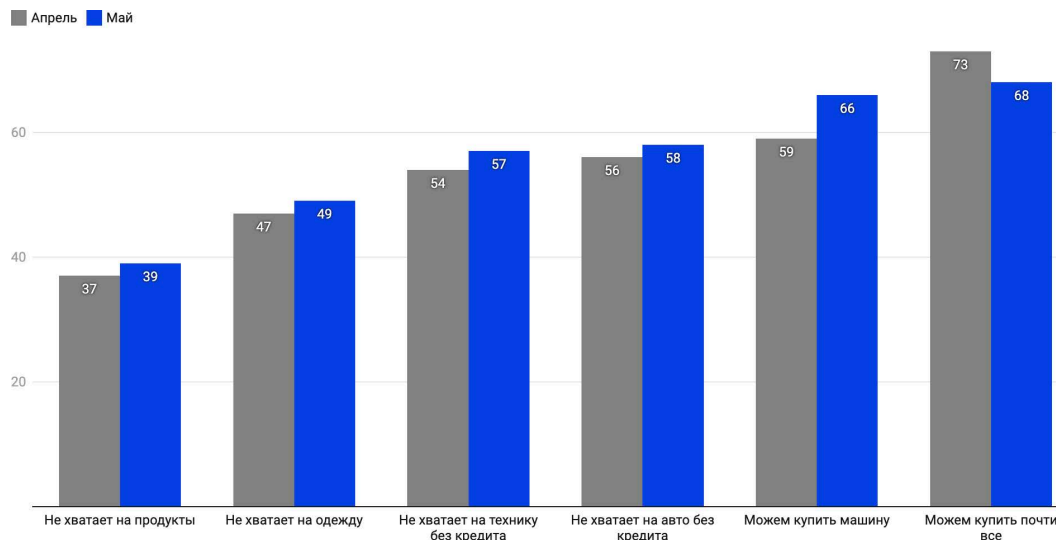
Рисунок 6. Доля сторонников вторжения в Украину в зависимости от медиапотребления, в процентах от числа опрошенных по группам

Источник: «Левада-центр». График: Re: Russia

В то же время ни в данных [«Левада-центра»](#), ни в данных [Russian Field](#) не прослеживается какой-то устойчивой связи уровня поддержки войны и уровня образования респондента и его пола. Однако среди мужчин, которые прошли службу в армии, доля поддерживающих войну выше в среднем на 15 процентных пунктов, фиксировали опросы RF в [начале мая](#). И наоборот, еще один фактор, который серьезно влияет на поддержку вторжения, — уровень дохода. Как и в возрастном срезе, здесь наблюдается линейная зависимость: среди людей с низкими доходами доля сторонников войны, как показывают [апрельская](#) и [майская](#) волны опросов RF, заметно ниже. При средней по выборке в этом опросе доле сторонников войны 55–56% среди наиболее бедных групп («не хватает денег на еду») она составляет 37–39%, а среди наиболее богатых — 68–73% (рис. 7).

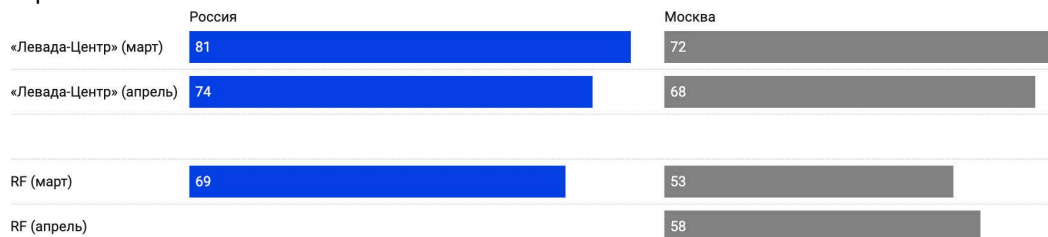
Рисунок 7. Доля сторонников вторжения в Украину в зависимости от уровня доходов, в процентах от числа респондентов, ответивших, что они не хотели бы вернуться в прошлое, чтобы отменить начало спецоперации

Источник: Russian Field. График: Re: Russia

Меньше поддерживают вторжение жители Москвы: по данным [«Левада-центра»](#) и [RF](#), в марте (рис. 8) доля одобряющих «спецоперацию» среди москвичей была на 10–15% ниже, чем в среднем по России. Возможно, по сравнению со среднероссийскими показателями группа поддержки вторжения меньше и в других городах-миллионниках.

Рисунок 8. Доля сторонников вторжения в Украину в России и Москве, в процентах от числа опрошенных

Источник: «Левада-центр», Russian Field. График: Re: Russia

Среди тех респондентов «Левада-центра», кто считает, что страна движется в верном направлении, поддержка войны предсказуемо выше: 92% в марте (при среднем по выборке 81%) и 86% в апреле (при 74% в среднем). [Данные RF](#) подтверждают эту взаимосвязь: среди тех, кто доволен тем, куда движется страна, 75% респондентов считает, что войну нужно продолжать (при 54% в среднем по выборке), и только 13% склоняется к необходимости мирных переговоров (при 33% в среднем по выборке).

Небольшие социологические проекты также попытались оценить, конвертируется ли поддержка вторжения на словах в какие-то более

значимые для респондентов действия. Данные RF за [апрель](#) и [май](#) показывают, что при общем уровне поддержки войны среди мужчин в 60–65% только 34–37% из них выразили готовность принять личное участие в «спецоперации». Эта готовность растет с возрастом, и среди людей предпенсионного возраста достигает 50%. Из 45–49% от общего числа поддержавших вторжение женщин только 33–37% были бы готовы поддержать своего родственника, если бы он захотел принять участие в боевых действиях. Не вызывает энтузиазма у сторонников военной операции и идея введения отдельного налога, сборы которого пойдут на военные нужды, показывают [данные RF](#) в мае (среди сторонников продолжения военной операции 42% поддержали бы введение такого налога).

Низкая конвертация вербальной поддержки в более активные формы также подтверждает предположение о «рыхлости» выявленного в опросах милитаристского большинства. Невысокая готовность к «жертвам войны» может привести к тому, что сильные решения властей (например, объявление мобилизации или широкое привлечение к боевым действиям «срочников») приведут к резкому снижению уровня поддержки самой войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ФОРМУЛИРОВКИ ВОПРОСОВ О ПОДДЕРЖКЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РАЗНЫМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ

ВЦИОМ: «Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине вы поддерживаете или не поддерживаете?»; варианты ответов: «скорее поддерживаю», «скорее не поддерживаю», «затрудняюсь ответить».

ФОМ: «В конце февраля началась военная операция на Украине. Как вы считаете, решение о проведении военной операции было правильным или неправильным?»; варианты ответов: «правильным», «не правильным», «затрудняюсь ответить».

«Левада-центр»: «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?»; варианты ответов: «определенно да», «скорее да», «скорее нет», «определено нет», «затрудняюсь ответить».

Исследовательский проект Russian Field: 1) прямой вопрос: «Поддерживаете ли вы военную операцию российских войск на территории Украины?»; варианты ответов: «определенно поддерживаю», «скорее поддерживаю», «скорее не поддерживаю», «определенно не поддерживаю», «затрудняюсь ответить», отказ от ответа; 2) проективный вопрос: «Если бы у вас была возможность вернуться в прошлое и отменить решение о начале военной операции, вы бы это сделали или не сделали?»; варианты ответов: «определенно отменил», «скорее отменил», «скорее не отменил», «определенно не отменил», «затрудняюсь ответить», отказ от ответа.

Проектная группа «Хроники» совместно с ExtremeScan: «Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военные действия России на территории Украины?»; варианты ответов: «поддерживаю», «не поддерживаю», «затрудняюсь ответить».

Проектная группа «Опыты»: анкета и формулировка вопроса недоступны.